

ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА: ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Вне зависимости от того, что изучает историк: «преданья старины глубокой»¹ или окружающую его действительность, чтобы работать, ему необходимо обладать информацией по исследуемой теме. Следовательно, историк должен её как-то получить. Общеизвестно, что именно исторические источники – «основа любого исторического исследования»². Вопросу о том, что из себя в принципе представляет исторический источник, можно взять за аксиому одно из самых распространенных его определений, данное Л. Н. Пушкаревым: «исторический источник – это все непосредственно отражающее исторический процесс, все, созданное человеческим обществом»³. Такое определение дает представление о том, насколько широк может быть спектр исторических источников. Чтобы логически осмыслить все это многообразие, исторические источники необходимо классифицировать (то есть группировать в соответствии с их общими признаками). Вопрос в том, какой общий признак взять за основу деления и как удержаться на тонкой грани между чрезмерным обобщением и необоснованной детализацией при составлении подобной классификации. По-своему на него отвечали практически все крупные российские историки, начиная с В. Н. Татищева, каждый, составляя свою собственную классификацию исторических источников⁴. Тем не менее, начиная с В.Н. Татищева попытки создать подобную классификацию (более или менее удачные) имеют место в отечественной историографии, а значит, среди них можно попытаться отыскать и наиболее удачный вариант.

Невероятно, но факт – составитель первой отечественной классификации исторических источников В.Н. Татищев термин «исторический источник» не употреблял. В первой главе своей «Древней Российской истории», он использует термин «сказание», но определения ему не даёт⁵.

Только в конце XIX в., благодаря работам В.О. Ключевского, понятие «исторический источник» закрепляется в отечественной исторической науке, естественно, в том виде, в каком его употреблял сам В.О. Ключевский. Его определение выглядит следующим образом: «исторические источники – это или письменные, или вещественные памятники, в которых отразилась угасшая жизнь отдельных лиц и целых обществ»⁶. Определение это, безусловно, важное с точки зрения исторической науки как первая серьезная попытка точно установить значение термина, мне кажется не совсем удачным. Главный его недостаток заключается, как мне

представляется, в том, что В.О. Ключевский неоправданно сужает значение термина, исключая из него, например, все источники устные.

В самом начале XX в. замечательный русский ученый, сторонник теории научного позитивизма С.Ф. Платонов предпринимает попытку дать совершенно новое определение понятию «исторический источник». Его вариант звучит так: «в обширном смысле понятие исторического источника включает, или заключает в своем содержании всякий остаток старины»⁷. Встает закономерный вопрос: что автор понимает под «остатками старины»? Только материальные источники, такие, как вещественные и письменные, или также устные и, например, хронологические? Получается, что и это определение не является удовлетворительным.

После анализа двух этих определений, мне кажется наиболее уместным упомянуть вариант, предложенный выдающимся советским историком М.Н. Тихомировым, унаследовавшим, как я уже писала выше, от В.С. Ключевского традицию воспринимать исторический источник как «памятник». Интересно, что, несмотря на подобное заимствование, М.Н. Тихомиров не дублирует В.С. Ключевского. Его вариант – «под историческим источником понимают всякий памятник прошлого, свидетельствующий об истории человеческого общества»⁸ – представляет собой своеобразный синтез определений С.Ф. Платонова и В.С. Ключевского. Часть, начинающаяся со слова «памятник», – явное заимствование из В.С. Ключевского, но обобщающее местоимение «всякий», значительно увеличивающее спектр возможных исторических источников, отсылает нас уже к определению С.Ф. Платонова. Такой синтез, на мой взгляд, являлся важным (хотя и далеким до завершающего) шагом вперед в развитии представлений об историческом источнике.

Определенный интерес, как мне кажется, представляет и определение, данное Л.Н. Пушкаревым: «исторический источник – это все непосредственно отражающее исторический процесс, все, созданное, человеческим обществом»⁹. Определение это крайне широкое, несколько даже расплывчатое, в чем, безусловно, его большой недостаток, отражает, однако, новую источниковедческую тенденцию (в наши дни, насколько я могу судить, становящуюся всё более распространенной): воспринимать в качестве исторических источников не только данные лингвистики¹⁰ или археологии, но и данные естествознания.

В полной мере эту идею (включить в круг исторических источников данные естествознания), развил в своей знаменитой, вызвавшей в своё время бурную полемику и до сих пор обсуждаемой статье «О классификации исторических источников» С.О. Шмидт. Его определение исторического источника, пожалуй, самое широкое из всех представленных в отечественном источниковедении. Ученый призывает нас «признать истори-

ческим источником ... всё, что может источать историческую информацию»¹¹.

Однако О.М. Медушевская считала, «источник – это историческое явление: реализованный продукт человеческой деятельности определенной эпохи, которую он выражает, представляет и изучение которой делает возможным. По ее мнению, источник всегда целенаправленно структурирован под ту функцию, которую по замыслу автора должен был выполнять в действующей информационной системе своего исторического настоящего. И, следовательно, эта система может быть вычислена по функциям, которые в ней были востребованы. Это важно для понимания возможности познания конкретно-исторических систем и сообществ по их видовой конфигурации. Основополагающее понятие. По всему тексту»¹².

Завершить анализ различных определений исторических источников мне кажется логичным разбором взглядов одного из корифеев отечественного источниковедения – А.С. Лаппо-Данилевского (ради этой цели я даже несколько отступила от хронологического принципа, которому неизменно следовала в ходе моих предыдущих рассуждений). Изучению проблемы определения исторического источника этот ученый посвящает целый раздел в основном своем труде по источниковедению – «Методологии исторического знания». Если представить ход мыслей А.С. Лаппо-Данилевского схематично, то можно заметить, что ученый размышляет по принципу дедукции – от общего к частному. То есть в начале раздела он дает самое общее определение исторического источника как «всякого данного нашего чувственного восприятия», затем накладывает на него ряд ограничений: 1) научно-эмпирическое – должен быть реальным познаваемым объектом; 2) по цели – должен изучаться не ради него самого, а быть пригодным для познания другого объекта; 3) по целостности (по мнению А.С. Лаппо-Данилевского, исторический источник это всегда теологическое целое); 4) по создателю – исторический источник обязательно должен быть «произведением человека» а не природы, то есть содержать в себе следы работы намеренной человеческой мысли, быть продуктом человеческой психики¹³.

Последний пункт – ключевой у А.С. Лаппо-Данилевского, и именно учет психологических факторов отличает работы этого ученого от трудов его коллег, делает его выводы уникальными и новаторскими¹⁴.

Завершает раздел А.С. Лаппо-Данилевский выводом собственного определения исторического источника. Оно, как это ни парадоксально, достаточно коротко: «исторический источник – это реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением», – а потому легко для понимания и запоминания. И в то же время, именно оно наилучшим, на мой взгляд, образом отражает сущность понятия «исторический источник», так как трактует его достаточно

широко (ученый, в отличие, например, от В.О. Ключевского, не ограничивает историка выбором только между письменными и вещественными источниками), и в то же время задает вполне конкретные рамки, позволяющие отличать исторические источники от любых других (А.С. Лаппо-Данилевский вводит в круг исторических источников только «продукты человеческой психики»).

¹ Пушкин А.С. Собрание сочинений в трёх томах Т.3. «Руслан и Людмила» М.: «Художественная литература», 1985. С. 654.

² Тихомиров, М.Н. Источниковедение истории СССР Т.1. С древнейших времен до начала XVIII в. Учебное пособие. М., 1962. С. 73

³ Источники исторические // Советская историческая энциклопедия Т.6. М., 1965. С. 591; Пушкин Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. Интересно, что тенденция рассматривать письменные источники как основные, а все прочие как второстепенные сохраняется до наших дней. Некоторые её отзвуки можно найти в работах Л.Н. Пушкина.

⁴ В данных тезисах я рассматриваю только работы отечественных историков (к сожалению, сравнительно небольшой формат тезисов не позволяет мне проанализировать и достижения зарубежных ученых в данной сфере)

⁵ Татищев В.Н. История Российская Т.1. М., 2003. Собственно В.Н. Татищев создал две классификации исторических источников, однако первая - деление по «верности сказания» т.е. по степени достоверности сведений, содержащихся в источнике - почти не применима для практической деятельности (с её помощью не создать источниковой базы, она лишь позволяет «отделить зёрна от плевел»).

⁶ Ключевский, В.О. Источниковедение. Источники русской истории // Соч.: 9-ти т. – М., 1989. Т. VII. С. 5–27; Приложение С. 401–402, 404–407. Любопытная деталь: именно с В.О. Ключевского берет своё начало традиция определять исторический источник как «памятник». Она оказалась настолько устойчивой, что использование термина «памятник» применительно к историческому источнику можно встретить даже в трудах М.Н. Тихомирова.

⁷ Ковальский, Н.П. Некоторые проблемы теории и методики исторического источниковедения [Электронный ресурс] // Фонограмма лекции спецкурса, прочитанной студентам 5-го курса исторического факультета Запорожского госуниверситета весной 1991 г. специализации «Всемирная история», отредактированная автором в г. Остроге в феврале 1999 г. С. 1. – URL <http://www.istpravda.do.am/forum/57–28–1> (19.06.2014).

⁸ Тихомиров, М.Н. Указ. соч. С. 7.

⁹ Источники исторические // Советская историческая энциклопедия Т.6. М., 1965. С. 591.

¹⁰ Эту возможность рассматривает уже М.П. Погодин. Погодин М.П. Образцы славяно-русского древлеписания. Тетрадь 1. М., 1840. 4 с.; 20 табл., литогр.

¹¹ Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии / Шмидт Сигурд Оттович; Кол. авт. Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ). М., 1997. Имен. указ.: С. 77, 594–610.

¹² Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. С.352.

¹³ Здесь, заметно явное, противоречие с идеями О.С. Шмидта. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М., 2010. С. 22.

¹⁴ Данный абзац отражает мое личное отношение к работам Лаппо-Данилевского, разделяемое, однако, многими крупными отечественными историками. В частности схожие мысли

можно найти в записях лекций И.Д. Ковальченко. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. В несколько усовершенствованном виде этот же вариант встречается в работах И.Д. Ковальченко делившего всю совокупность исторически источников на четыре типа: вещественные, письменные, изобразительные и фонетические (это деление только по способ кодирования информации).

Н. Б. Кончаковская

ДЕЛА О РАСТОРЖЕНИИ БРАКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОЖАНКИ СРЕДНЕГО УРАЛА

Повседневность горожанки является «контекстом» ее жизни и проявляется в мировоззрении, в стандартах поведения, во взаимоотношениях с городским сообществом в конкретных политических, социальных, экономических, культурных, временных условиях.

Изучение повседневности предусматривает комплексный подход к исследованию исторических источников¹. Историк собирает воедино и сопоставляет между собой информацию из разных источников, таких, например, как источники личного происхождения, этнографические описания, законодательные акты, документы различных общественных и государственных организаций, судебно-следственные дела, статистические источники, публицистика, художественная литература и другие, «всматриваясь» в причинно-следственные связи, в глубинный контекст того или иного социального действия, ситуации.

Повседневность горожанок Среднего Урала во второй половине XIX – начале XX вв. была в первую очередь связана с семьей. На протяжении второй половины XIX – начала XX вв. в процессе урбанизации роль горожанки в семье менялась. Поэтому так важно изучить положение горожанки в семье, нормы ее поведения, взаимоотношения с мужем, с детьми, родственниками. Обширную информацию по внутрисемейным отношениям в городских семьях Среднего Урала содержат дела о расторжении брака Екатеринбургской духовной консистории².

Как известно, разойтись в царской России было очень проблематично. Поводом для развода по закону являлось в первую очередь доказанное прелюбодеяние одного из супругов, а также: «неспособность одного из супругов к брачному сожителству»; в случае, когда один из супругов приговорен к наказанию, сопряженному с лишением всех прав состояния, или же сослан на житье в Сибирь, с лишением всех особенных прав и преимуществ» и в случае безвестного отсутствия одного из супругов³. Разреше-